

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH192371-384>

Исследовательская статья

Шаповалов Сергей Николаевич,
к.и.н., доц., доцент кафедры истории России
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
shapovalov07@gmail.com

РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 40-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье впервые показано, что строительство новых станиц в составе Закубанского поселения было вызвано реальными потребностями населения, уже переселившегося на земли Северо-Западного Кавказа и нуждавшегося в водворении, а не военными проектами по вытеснению горцев с принадлежавших им земель. Цель статьи – продемонстрировать переселенческие и колонизационные возможности Закубанского поселения в период 1840-х гг. для понимания особенностей заселения и освоения населением Российской империи земель Северо-Западного Кавказа и северо-восточного берега Черного моря. В качестве методологического подхода использована теория фронта, которая позволяет рассматривать российское продвижение на Северо-Западный Кавказ не только как совокупность военных операций, но и как процесс внешней и внутренней миграции, образования новых типов поселений, выстраивания различных, в том числе взаимовыгодных, отношений между переселенцами и местным населением. В статье применяются ретроспективный, историко-генетический и системный методы. Показано, что общее число переселенцев, нуждавшихся в постоянном водворении в Закубанском поселении, постоянно росло, поэтому остро стоял вопрос о наделении их землей. Одним из выходов из сложившегося положения являлось строительство новых поселков и станиц, что было сопряжено с двумя серьезными трудностями: необходимостью ассигнования со стороны казны и фактическим отсутствием границ между населенными пунктами Закубанского поселения и натухайскими аулами. Несмотря на существовавшие сложности, руководством Черноморской береговой линии был взят курс на основание новых стратегически важных укрепленных поселений. Сделаны выводы, что завершение всех начатых внутренних переселений и строительство новых станиц в 1840-е гг. позволили существенно увеличить численность водворенного населения; улучшить оборонительные возможности поселений за счет как тщательного планирования всех необходимых фортификационных сооружений, так и увеличения численности мужчин; расширить площадь земель для заведения пашни, огородов, сенокосов и пастбищ и создать необходимый фундамент для последующего продовольственного самообеспечения населения Закубанского поселения.

Ключевые слова: Анапа; Закубанское поселение; переселенцы; Северо-Западный Кавказ; станица Суворовская; станица Александровская; Черноморская береговая линия

Для цитирования: Шаповалов С.Н. Расширение территории Закубанского поселения в 40-е годы XIX века // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 371-384. doi.org/10.32653/CH192371-384

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH192371-384>

Research paper

Sergey N. Shapovalov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia
shapovalov07@gmail.com

EXPANSION OF THE TERRITORY OF THE TRANS-KUBAN SETTLEMENT IN THE 40S OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The establishment of new stanitsas (Cossack villages) as part of the Trans-Kuban (Zakubanye) settlement was caused by the needs of those who had already moved to the lands of the North-Western Caucasus and needed to be settled without military intervention to oust the mountaineers from their lands. The article aims to demonstrate the resettlement and colonization capacities of the Trans-Kuban settlement in the 1840s to understand the features of settlement and development of the lands of the North-Western Caucasus and the north-eastern coast of the Black Sea by the population of the Russian Empire. The application of the frontier theory allowed us to consider the Russian advance to the North-Western Caucasus not only as a set of military operations, but also as a process of external and internal relocation, the formation of new types of settlements, the establishment of various, including mutually beneficial ties between settlers and the local population. The study also applies retrospective, historical-genetic and systemic methods. The total number of migrants who needed permanent accommodation in the Trans-Kuban settlement was constantly growing, so the issue of allotting them plots of land was acute. One of the solutions to this situation was the construction of new settlements and stanitsas, which was complicated with two serious difficulties: the need for treasury funding and the actual absence of borders between the settlements of the Trans-Kuban settlement and Natukhai auls. Despite the existing difficulties, the leadership of the Black Sea Coastline set a course for the foundation of new strategically important fortified settlements. The completion of all the internal relocations started and the construction of new stanitsas in the 1840s allowed to significantly increase the number of the settled population; improve the defensive capabilities of settlements due to both careful planning of all necessary fortifications and an increase in the number of men; expand the area of land for the establishment of arable land, vegetable gardens, hayfields and pastures and create the necessary foundation for the subsequent food self-sufficiency of the population of the Trans-Kuban settlement.

Keywords: Anapa; Trans-Kuban settlement; settlers; North-Western Caucasus; Stanitsa Suvorovskaya; Stanitsa Alexandrovskaya; Black Sea Coastline

For citation: Shapovalov S.N. Expansion of the territory of the Trans-Kuban settlement in the 40s of the 19th century *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 371-384. doi.org/10.32653/CH192371-384

© S.N. Shapovalov, 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Одной из важнейших проблем для исследования российских и зарубежных историков продолжает оставаться изучение особенностей присоединения, заселения и освоения земель Северо-Западного Кавказа Российской империей в XIX в., которому в достаточной мере уделялось внимание в дореволюционной [1–6], советской [7–10] и российской [11–16] историографии. Однако вне поля зрения до сих пор остается проблема основания и развития Закубанского поселения, которое располагалось на землях натухайцев в знаменитом треугольнике «нижняя Кубань – Анапа – Варениковская пристань».

Появление самого поселения стало возможным только после заключения Адрианопольского мирного договора в 1829 г., по условиям которого весь восточный берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая перешел во владение Российской империи вместе с проживавшим здесь автохтонным населением. В состав переданных Османской империей территорий входили и адыгские земли. Однако сами адыги не признавали ни российской, ни турецкой власти, так как их зависимость от Османской империи в политическом, экономическом и культурном отношении была больше номинальной, чем фактической [17, с. 81].

Естественное неприятие условий Адрианопольского мира со стороны адыгов и их враждебность не позволили России сразу же установить контроль над новыми землями [18, с. 143]. Такая задача могла быть решена только в результате долгосрочной колонизационной деятельности, сочетавшей в себе военные и гражданские меры. Для их анализа, как справедливо отмечает Томас Барретт, «нам нужно заглянуть за военные линии и посмотреть на передвижение народов, на их поселения и сообщества...» [19, с. 165].

Обширность и неоднородность земель Северо-Западного Кавказа не позволяли применять одни и те же методы освоения и закрепления расположенных здесь земель в составе Российской империи. На наш взгляд, наиболее эффективным из них было создание особых военно-административных единиц, таких как Черноморская береговая линия (ЧБЛ) и Закубанское поселение¹.

Цель исследования – продемонстрировать переселенческие и колонизационные возможности Закубанского поселения в период 1840-х гг. для понимания особенностей заселения и освоения населением Российской империи земель Северо-Западного Кавказа и северо-восточного берега Черного моря.

В качестве методологического подхода использована теория фронта, которая позволяет рассматривать российское продвижение на Северо-Западный Кавказ не только как совокупность военных операций, но и как процесс внешней и внутренней миграции, образования новых типов поселений, выстраивания различных, в том числе взаимовыгодных, отношений между переселенцами и местным населением. В статье применяются ретроспективный, историко-генетический и системный методы.

1. В источниках 1830-х и начала 1840-х гг. – Анапское поселение.

Проекты развития Закубанского поселения

ЧБЛ включала в себя укрепления и крепости, расположенные от Анапы до пристани Св. Николая. Она должна была обеспечивать охрану от незаконного проникновения на российскую территорию «всяких чужестранных элементов» [20, с. 683]. Силами ее гарнизонов происходило экстенсивное освоение небольшой территории окрестных земель. Обозревавший в 1836 г. земли восточного берега Черного моря коллежский асессор С.В. Сафонов сообщал только о вырубке анапского леса на расстоянии 15 верст для защиты от внезапных нападений горцев. После строительства небольшого укрепления в четырех верстах от Анапы здесь были разбиты огороды для нужд гарнизона и жителей [21, с. 6]. Выращенные на них овощи и зелень предназначались для улучшения питания населения Анапы. В остальных укреплениях линии освоение территорий также происходило в форме расчистки близлежащих земель и заведения небольших огородов, востребованных в летний период [22, с. 72].

Более успешное освоение земель северо-восточного берега Черного моря было связано с деятельностью Закубанского поселения, которое появилось в 1835 г. после высочайшего повеления не возвращать казенных и крепостных крестьян, а также бродяг, бежавших в Анапу, а приписывать их к поселению [23, с. 6]. Наделение земельными участками происходило за счет как пустующих, так и изъятых у натухайцев земель.

Приток новых жителей и запись в Закубанское поселение был постоянным. По мнению американского историка Дэвида Муна, это объяснялось тем, что в 1830–1840-е гг. тысячи крепостных мигрировали (бежали) на Северный Кавказ, где создавали собственные поселения, присоединялись к уже существовавшим или были вынуждены возвращаться в свои покинутые жилища [24, р. 1]. Некоторые переселенцы меняли свои имена, отчества и прозвания, ложно приписывались к другим сословиям, использовали любую возможность для того, чтобы остаться в Анапе или ее окрестностях [25, с. 76].

В 1836 г. в составе Закубанского поселения появились первые станицы – Благовещенская и Николаевская, и началось постепенное водворение жителей для постоянного проживания. Здесь они могли заниматься огородничеством, хлебопашеством, разведением скота и рыбной ловлей, полностью обеспечивая себя и небольшие гарнизоны всеми необходимыми продуктами. Безопасность переселенцев обеспечивалась силами небольших гарнизонов, размещенных на территории поселений, и вооружением самих поселян.

Во второй половине 1830-х гг. в составе Закубанского поселения была основана третья и последняя в этот период станица, получившая наименование Витязева в честь майора, совершившего подвиг при столкновении с горцами в окрестностях Анапы. Возможности новой станицы по водворению жителей на постоянное поселение, как и ранее устроенных, были достаточно быстро исчерпаны. В результате на протяжении 1830-х гг. Закубанское поселение не демонстрировало серьезных успехов в деле освоения территории северо-восточного побережья Черного моря по причинам ограниченности земельных ресурсов, наличия небольшого числа дворов в уже образованных населенных пунктах, притока большого числа желающих здесь водвориться и постоянной угрозы нападения со стороны горцев.

С конца 1830-х гг. Закубанское поселение не имело возможности для дальнейшего водворения переселенцев, желавших здесь обосноваться. Основание небольших поселков при станицах и укреплениях, рассчитанных на небольшое число семей (порядка 5–10), позволяло заселить в них только наиболее нуждавшихся, но оставляло нерешенной главную проблему – расселение всех зачисленных в Закубанское поселение. В результате численность неводворенных лиц постоянно росла.

По состоянию на 1 декабря 1841 г. в составе Закубанского поселения числились станицы Николаевская, Витязева, Благовещенская, поселок Благовещенская Стрелка и поселок при укреплении Джиметейском². Во всех населенных пунктах проживало 490 семей, состоявших из 1832 лиц обоего пола и 105 одиноких мужчин. К Закубанскому поселению были приписаны еще 1529 переселенцев обоего пола, которые были вынуждены проживать на территории Земли войска Черноморского³ в ожидании появления новых мест расселения. Общее число переселенцев, нуждавшихся в постоянном водворении, составляло 2185 душ обоего пола⁴.

Одним из выходов из сложившегося положения являлось дальнейшее строительство новых станиц и поселков⁵, что было сопряжено как минимум с двумя серьезными трудностями. Для переселения числившихся в составе Закубанского поселения лиц, а также тех, кто хотел бы приписаться к нему, требовались ассигнования со стороны казны. Жителям Богоявленского селения в Цебельде в начале 1840-х гг. выделялось на благоустройство до 100 руб. [26, с. 89]. Через два года после их переселения из Абхазии в Анапу сумма возросла и была оформлена в два вида пособий: первое составляло по 54 руб. 50 коп. ассигнациями на каждое семейство, а второе – по 125 руб. ассигнациями на заимообразных условиях⁶. Всего в Анапу были переселены 24 семьи⁷. Сумма только разовых выплат для них составила 1308 руб. ассигнациями.

Вторая проблема была связана с фактическим отсутствием границ между населенными пунктами Закубанского поселения и натухайскими аулами. Жители последних не признавали занятия переселенцами своих земель и старались различными мерами стеснить их землепользование. Проблема обострилась в начале 1840-х гг., когда в составе Закубанского поселения должны были появиться новые станицы, потеснившие бы земельные владения натухайцев. Готовность последних к началу переговоров о признании подданства в обмен на нераспространение русских поселений стала главной причиной временного отказа от расширения границ Закубанского поселения.

Появление весной 1843 г. во главе ЧБЛ генерал-майора А.И. Будберга в должности исполняющего обязанности начальника вызвало к жизни новый проект, направленный на размежевание земель Закубанского поселения и натухайцев. Причинами его появления можно считать приверженность нового руководителя к выстраиванию

2. Такое написание фигурирует в официальных документах.

3. В документах рассматриваемого периода она чаще всего называлась просто Черноморией.

4. Переписка о переселении крестьян Воронежской губернии за Кубань // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

5. По мнению членов Анапского Временного Правления, 2185 душ обоего пола в 1841 г. было вполне достаточно для основания новой большой станицы.

6. Второе пособие выдавалось сроком на 4 года, но без выплаты процентов. Предусматривалось, что оно будет использовано для покупки скота и инвентаря.

7. Рапорт начальника Черноморской береговой линии о переселении жителей селения Богоявленского в станицу Николаевскую близ Анапы // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 2. Д. 81. Л. 19.

более дружественных отношений с горцами и желание придать поселению упорядоченную и удобную для управления форму. О своем намерении А.И. Будберг объявил в письме к Л.М. Серебрякову⁸.

Межеванию должны были подлежать пастбища для скота, сенокосы и земли, отведенные поселянам под хлебопашество. Подобной мерой начальник линии хотел расположить к себе натухайцев, улучшить отношения между жителями станиц и горцами, продемонстрировать высокому начальству успехи, достигнутые использованием мирных средств: «...Пока полевые работы производились под прикрытием войск, по причине враждебного расположения натухайцев, – конечно трудно и даже невозможно было назначить какие-нибудь границы между землями наших поселян и натухайцев. Но теперь при беспрестанно возрастающем сближении с нами сих последних, я полагаю, что неопределенность эта может служить поводом к ожесточению туземных жителей, если они не будут видеть границы, на которой может остановиться занятие их земли нашими поселянами...»⁹.

Инициатива нового руководителя линии не нашла поддержки у его подчиненного контр-адмирала Л.М. Серебрякова, который неоднократно совершал походы против непокорных аулов в землю натухайцев. Последний из них до получения письма от генерал-майора А.И. Будберга пришелся на весну 1842 г. Его целью было строительство укреплений на реке Гастогай и у Варениковой пристани [27, с. 53].

В ответном письме контр-адмирал Л.М. Серебряков высказывал мнение, что межевание земель в настоящее время между Закубанским поселением и натухайскими аулами является преждевременным. Свою позицию он аргументировал двумя личными наблюдениями. Первое было сделано при осмотре Кубанской равнины на севере от реки Гастогай. Здесь им было обнаружено наличие значительной площади целинной земли, которая не использовалась под пастбища или сенокосы и всегда могла служить резервом для удовлетворения нужд натухайцев. Вторым его аргументом было начавшееся земельное отеснение поселян со стороны горцев, которое происходило в 1842–1843 гг. Оно проводилось в форме занятия под свои пашни тех мест, которые ранее использовались жителями станиц под сенокосы.

Л.М. Серебряков также был убежден, что межевание земель приведет к принятию со стороны начальника ЧБЛ и правления Закубанского поселения серьезных обязательств перед натухайцами, которые не позволят при необходимости быстро увеличить площадь поселений: «...Ограничение занятия Натухайских земель есть мера преждевременная и по ходу дел скорее вредная нежели полезная, – особенно при неизвестности как далеко предполагается распространить наши поселения, потому что однажды стеснив себя определением границ, – в последствии весьма трудно будет их расширить»¹⁰.

Аргументация контр-адмирала Л.М. Серебрякова была принята генерал-майором А.И. Будбергом. Его проект демаркации земель Закубанского поселения и натухайских аулов остался нереализованным. В результате к жизни была вновь возвращена идея дальнейшего расширения территории поселения посредством основания новых станиц и поселков и водворения в них переселенцев, ожидавших в течение нескольких

8. В рассматриваемый период контр-адмирал Л.М. Серебряков исполнял должность начальника I отделения Черноморской береговой линии.

9. Рапорт о выдаче земли закубанским переселенцам // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–1 об. Здесь и далее орфография и пунктуация источника цитирования сохранены.

10. Рапорт о выдаче земли закубанским переселенцам // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 3 об.

лет после причисления себя к Закубанскому поселению своей очереди для получения земельных наделов. Реализация этой идеи пришлось на 1840-е гг. и позволила существенно расширить возможности Закубанского поселения в области освоения земель, развития их производительности и закрепления в составе Российской империи.

Основание станицы Суворовской

Переписка относительно возможности устроить новую станицу на Суворовской батарее началась 31 декабря 1840 г. с предписания начальника Кавказской области генерал-адъютанта П.Х. Граббе на имя начальника ЧБЛ генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. В январе 1841 г. последний подал в отставку, которая вскоре была принята [28, с. 79], а исполняющим обязанности начальника стал генерал-адъютант И.Р. Анреп. Основание новой станицы увязывалось им с улучшением положения, в котором находилось население Анапы и окрестных поселений из-за недостатка войск для их защиты: «...Гарнизона, который мы ныне имеем в Анапе, едва ли достаточно, чтобы защитить существующие станицы, а о заведении новых нельзя и думать. Суворовская батарея верстах в 25 от Анапы, на восточной стороне Кизилташского лимана, ничем не прикрытая...»¹¹.

Препятствием для основания новой станицы И.Р. Анреп также считал недостаток земли. Выход из сложившегося положения виделся ему в реализации проекта установления постоянного сухопутного сообщения между Новороссийском и Черноморией через Варениковскую пристань на реке Кубань. Сообщение должно было быть защищено специально возведенными для этого укреплениями. В этом случае уже основанные станицы и будущие населенные пункты получили бы надежную защиту и обширные земельные угодья.

Мнение генерал-адъютанта И.Р. Анрепа разделял контр-адмирал Л.М. Серебряков, который писал: «...Построение укрепления на Гостагае и укрепленного моста на Варениковой пристани было бы при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно полезно во многих отношениях... мы приобрели бы на 25 верст отличных для хлебопашества мест и прикрыли бы Анапское поселение, которое, в настоящем жалком положении, с трудом может существовать в непрерывном страхе и нищете...» [29, с. 520]. Все эти предложения коррелировали с идеями императора Николая I по постепенной аннексии нутхайских земель [30, с. 118]. Они стали воплощаться летом 1842 г., когда на реке Гостагай было построено одноименное укрепление [31, с. 106].

Как уже отмечалось ранее, на конец 1841 г. в Закубанском поселении насчитывалось 2185 лиц обоего пола, нуждавшихся в водворении. Возможности уже основанных станиц и поселков были практически исчерпаны. В станице Витязевой проживало 859 жителей обоего пола, в Николаевской – 450, а в Благовещенской – 174¹². Для расселения всех приписанных к Закубанскому поселению требовалось дополнительно основать не менее двух станиц, сопоставимых по площади с Витязевой, или около четырех – с Николаевской.

11. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батарее для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

12. Переписка о переселении крестьян Воронежской губернии за Кубань // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

К обсуждению вопроса об устройстве станицы на Суворовской батарее вернулись в начале 1843 г. Актуализация этого проекта объяснялась как минимум тремя причинами. Во-первых, происходил дальнейший рост населения Закубанского поселения благодаря рождению детей у переселенцев и миграции населения центральных и южных губерний. Весь поток новых жителей не мог быть размещен в уже основанных станицах. Во-вторых, после строительства Гостагаевского укрепления исчезли все препятствия для увеличения территории Закубанского поселения, которые выдвигал начальник линии. В-третьих, расширение Закубанского поселения теперь стало рассматриваться как инструмент давления на натухайцев, которые вели переговоры об условиях присяги, но так и не приступили к ней: «...очевидно было что в переговорах этих искренности с их стороны никакой не было, – а одно только желание выиграть время и беспрепятственно окончить все полевые свои работы...»¹³.

Вопрос о необходимости строительства станицы на Суворовской батарее был поднят начальником ЧБЛ генерал-адъютантом И.Р. Анрепом. Идея нашла поддержку со стороны Л.М. Серебрякова, который составил подробный проект: «...Необходимость переселения из Анапы малороссийских поселян и водворение семейств в Черномории находящихся, невозможность поселить их при прежних станицах, – по причине недостатка и вместе истощение пахотных земель, – эти два обстоятельства делают неизбежным занятие нового пункта, – а более удобного не предстоит, – как только урочище Суворовой батарее...»¹⁴.

Удобство выбранного места объяснялось небольшим объемом работ, которые были необходимы для превращения будущей станицы в укрепленный пункт на берегу Кизилташского лимана. Его достаточно крутые и возвышенные берега могли обеспечить безопасность станицы с тыловой стороны. Немногочисленные и удобные спуски с береговых возвышенностей предполагалось сделать недоступными благодаря фортификационным приемам. Материал для укрепления и защиты станицы планировали собрать в ее окрестностях, где были обнаружены верба, камыш, хворост и камень.

Дополнительную защиту для станицы должен был обеспечить курган, располагавшийся от нее в 2–3 верстах в восточном направлении. Его господство над местностью позволяло обозревать прилегавшую равнину между Кубанью и станицей Витязевой. Возведение на кургане сигнальной каменной башни или редута с постоянным гарнизоном из 10–15 человек при одном орудии позволяло не только обозревать окрестности, но и обеспечивать охрану пасущихся стад будущих поселенцев и их самих при проведении полевых работ.

Гарнизон станицы на Суворовской батарее не должен был быть слишком большим. По расчетам контр-адмирала Л.М. Серебрякова здесь было достаточно содержать 70–80 человек пехоты, конную казачью команду в 20–30 всадников и одно полевое орудие. Для защиты территории станицы предлагалось задействовать всего пять крепостных орудий. Необходимое число пехоты предполагалось изъять из состава гарнизона Джиметейского укрепления¹⁵.

Предложенные меры безопасности были вполне адекватными. Натухайцы периодически совершали нападения на пункты Закубанского поселения. Менее чем че-

13. Рапорт о выдаче земли закубанским переселенцам // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 об.

14. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батарее для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

15. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батарее для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 6 об.

рез год после основания станица Суворовская, а также Николаевская и Витязева подверглись их нападению. В однодневном сражении в окрестностях Суворовской были убиты 1 казак и 1 фельдфебель, ранены 1 урядник, 3 приказных, 4 казака, контужено 7 казаков и рядовых [29, с. 904]. Станица не была разорена, в ее защите участвовали все жители, способные носить оружие.

Контр-адмирал Л.М. Серебряков также рассчитал предварительную вместимость планируемой станицы. Он полагал, что в начале ее заселения здесь могло бы водвориться не более 160 семейств. Главным ограничителем выступало количество доступной для заведения пашни земли. Оптимальным вариантом представлялось обеспечить пашнями не только новых жителей станицы, но и поселян из Витязевой, располагавшихся на расстоянии в 12 верст.

В январе 1843 г. предложения контр-адмирала Л.М. Серебрякова были отправлены генерал-адъютанту И.Р. Анрепу и командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту В.И. Гурко. Одобренные всеми инстанциями они поступили 28 января в канцелярию военного министра под наименованием «Об устройстве станицы у Суворовской батареи близ Кизилташского лимана».

Дальнейшее движение проекта было несколько приостановлено ввиду того, что военный министр князь А.И. Чернышев ждал удобного случая для доклада императору. 6 апреля 1843 г. в канцелярии военного министерства был составлен официальный ответ на поступивший ранее проект, в котором сообщалось, что «...Его Величество, находя и со своей стороны дело это весьма полезным, в видах обладания целым Кубанским лиманом, прикрытия от горцев Благовещенской станицы и заселения на Счастливом острове; а также распространения пахотных полей Витязевой станицы изволит совершенно соглашаться на эту меру...»¹⁶.

С получением официального ответа в Анапском временном правлении начались необходимые подготовительные работы. Они включали в себя детальный осмотр местности для определения границ будущего поселения и устройство его обороны, а также выбор желающих переселенцев для водворения в новом месте. Задача осложнялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, требовались только семейные поселяне для экономии числа возводимых домов. Во-вторых, часть причисленных к Закубанскому поселению семей проживала в Черномории. В-третьих, в первую очередь стремились заселить благонадежных поселян, которые имели необходимый инвентарь и имущество. Обследование всех проживавших в Анапе и приписанных к Закубанскому поселению позволило выявить 119 подходящих малороссийских семей и 40 харьковских.

Основные работы по строительству станицы Суворовской пришлось на июнь – август 1843 г. В них были задействованы будущие поселенцы, мастеровые из Анапы, жители соседних станиц, одинокие переселенцы и имевшие взыскания за те или иные проступки. В конце августа 1843 г. новую станицу посетил контр-адмирал Л.М. Серебряков. В рапорте на имя начальника ЧБЛ он сообщал о состоянии нового поселения. В нем насчитывалась 161 семья. Общее количество жителей исчислялось в 686 лиц обоего пола. Из них 40 семей еще находились в Черномории, где занимались сбором урожая и распоряжением своим имуществом¹⁷. Работы в станице были еще далеко не

16. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батарее для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

17. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батарее для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 78 об.

окончены, но она уже приобрела жилой вид с правильно размеченными кварталами, турлучными и кирпичными домами и местами для общественных зданий.

Основание станицы Александровской

Предложение о строительстве поселка возле Алексеевского редута¹⁸ поступило от контр-адмирала Л.М. Серебрякова в мае 1843 г. на имя исполняющего обязанности начальника линии генерал-майора А.И. Будберга. В это время возведение будущей Суворовской станицы уже активно планировалось. Вновь проект Л.М. Серебрякова был детально проработан, и его реализация обещала улучшение положения во всем Закубанском поселении при минимальных издержках для линии и Анапского временного правления.

Главную предпосылку для его осуществления автор видел в наличии большого числа лиц, причисленных к Закубанскому поселению, но не имевших постоянного места для водворения. По данным Л.М. Серебрякова, только в одной Черномории проживали более 100 семей в числе 720 человек обоюбого пола и более 300 одиноких лиц мужского пола. К этому числу он прибавлял 60 семей в количестве 230 человек, временно проживавших при станице Благовещенской и в укреплении Джиметейском¹⁹, то есть в случае основания новых вместительных населенных пунктов Закубанское поселение могло сразу возрасти в общей сложности на 1250 жителей.

Рост численности водворенных поселян одновременно мог способствовать более качественной защите самих поселян от нападений со стороны горцев ввиду того, что все способные владеть оружием привлекались к охране и совместному отражению военной опасности. В мирное время Закубанское поселение получало бы расширение пашен, огородов, сенокосов и пастбищ и увеличение общего объема производимого поселянами зерна, необходимого не только для удовлетворения собственных нужд, но и для снабжения жителей Анапы и гарнизонов укреплений ЧБЛ.

Поселок возле Алексеевского редута предполагалось построить на юго-западной оконечности Кизилташского лимана по соседству со станицей Витязевой. Он должен был быть окружен глубоким рвом и валом. Защита усиливалась двумя небольшими бастионами или малым сигнальным редутом. За первым бастионом расселялись до 20 семей поселян, а за вторым строилась казарма и конюшни для гарнизона. Последний переводился в новый поселок из укрепления Джиметейского, которое предстояло упразднить в силу невыгодной тактической позиции. Удачное расположение бастионов в поселке обеспечивало бы его связь со станицей Витязевой, Витязевским сигнальным редутом, Нашебургским редутом и каменной башней, устроенной на морском берегу. В результате из каждой точки были бы видны соседние пункты и открыто все внутреннее пространство для постоянного обозрения и предупреждения нападений со стороны горцев.

Л.М. Серебряков предлагал приступить к водворению жителей возле Алексеевского редута уже в этом году, полагая, что это мероприятие не потребует больших издержек от казны и будет осуществлено силами самих поселян: «...Водворение поселян

18. Официальное наименование поселения до марта 1846 г.

19. Переписка об устройстве поселка возле Алексеевского редута и о поселении в нем Закубанских поселян // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

при Алексеевском редуте не представляет никаких особенных препятствий, – и к нему приступить можно теперь же, – предоставляя водворенным семействам устроить себя исподволь и, собственными средствами, без всякого от казны пособия. Поэтому как скоро последует разрешение Вашего Превосходительства, я предложу – Анапскому Временному Правлению немедленно приступить к назначению семейств и отводу мест...»²⁰.

Предложенный проект был весьма привлекателен в части минимизации издержек со стороны казны, ненужности в выделении дополнительных военных сил для охраны будущего поселка, опоры на собственные силы поселян. Тем не менее, он был утвержден генерал-майором А.И. Будбергом не сразу. Главной причиной, безусловно, была сосредоточенность на строительстве станицы на Суворовской батарее, которая происходила из масштабности поселения, отсутствия подобной практики в течение нескольких лет (последняя станица была возведена в 1837 г.) и большой ответственности перед высоким начальством, которое разрешило расширение Закубанского поселения.

Переписка по вопросу возведения нового поселка между начальником ЧБЛ, Анапским временным правлением и контр-адмиралом Л.М. Серебряковым продолжалась вплоть до 20 апреля 1844 г. Разрешая строительство и водворение населения, А.И. Будберг настаивал, чтобы вместимость поселка была увеличена до 25 семейств при условии наличия для них пригодной земли.

Такое увеличение было оправданным ввиду значительности не водворенных еще поселян, но, по сведениям Анапского временного правления, далеко не все из них хотели составить население Алексеевского поселка. На основании рапорта атамана анапских поселян от 12 февраля 1844 г. стало известно, что только 11 семей желали переселиться в новый поселок из Анапы. Общее число таких желающих составляло 36 человек (24 мужчины и 12 женщин). Этого населения было явно недостаточно.

Получив разрешение А.И. Будберга на начало строительства поселка, Л.М. Серебряков тут же отдал все необходимые распоряжения Анапскому временному правлению. Однако строительство поселка возле Алексеевского редута шло медленно. К сентябрю 1844 г. здесь было построено всего 5 хаток и вырыта часть защитного рва. Даже при самой скромной населенности в поселке должно было быть не менее 11 домов, чтобы обеспечить расселение всех семей.

Работы по укреплению поселка включали в себя рытье глубокого рва и высокого вала, что усиливало безопасность жителей, но требовало длительных совместных усилий. Недостаток рабочей силы был восполнен привлечением населения всех построенных станиц, поселков и жителей крепости Анапы на трехдневные работы. На более длительный срок были приписаны к поселку лица, совершавшие проступки и нарушавшие порядки, существовавшие в Закубанском поселении.

При последующем обследовании местности и начертании его плана было выявлено, что в округе поселка есть достаточное количество земли, которую можно использовать для наделения будущих жителей. В результате произошла очередная корректировка его вместимости. Теперь в нем предполагалось расселить уже 35 семей.

Строительство поселка возле Алексеевского редута было официально окончено в сентябре 1845 г. К этому времени в нем поселилось 37 семей, что превышало даже

20. Переписка об устройстве поселка возле Алексеевского редута и о поселении в нем Закубанских поселян // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

самые смелые предположения Л.М. Серебрякова о количестве водворенного населения. Из-за бедности часть поселян объединялась и строила жилье сразу на две семьи. Итогом такой кооперации стало строительство 32 домов для 37 семей. Всего в поселке было поселено 134 жителя.

20 марта 1846 г. с разрешения Наместника Кавказского Алексеевский редут был преобразован в станицу. По желанию начальства ее было предложено наименовать Александровской в честь начальника ЧБЛ А.И. Будберга. В рапорте последнего от 10 мая этого же года сообщалось о приведении в исполнение мнения Наместника Кавказского относительно названия станицы²¹.

Заключение

Закубанское поселение существовало со второй половины 1830-х гг. до середины 1855 г. Во время Крымской войны военное командование было вынуждено эвакуировать гарнизоны и мирных жителей из-за угрозы высадки англо-французского десанта. После завершения войны правительство начало новый этап колонизации и освоения земель Северо-Западного Кавказа. На месте бывшего Закубанского поселения были построены новые населенные пункты с жителями – представителями различных народов.

В связи с этим мы считаем, что рассмотренный нами период 1840-х гг. является самым успешным в деятельности Закубанского поселения, направленной на расширение его территории за счет основания новых населенных пунктов и водворения приписанного к нему населения. Именно в это время были построены две из пяти станиц, составлявших основу Закубанского поселения, практически прекратилось основание небольших поселков, рассчитанных на 5–10 семей, существенно увеличилась численность водворенного населения, ожидавшего своей очереди в течение нескольких лет. Кроме того, удачное завершение строительства станиц Суворовской и Александровской позволило улучшить оборонительные возможности поселений за счет как тщательного планирования всех необходимых фортификационных сооружений, так и умножения лиц мужского пола, способных носить оружие. После основания новых станиц произошло расширение площади земель, используемых для пашни, огородов, сенокосов и пастбищ. В конечном счете был заложен необходимый фундамент для последующего продовольственного самообеспечения населения Закубанского поселения и близлежащих укреплений ЧБЛ.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330/>.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330/>.

21. Переписка об устройстве поселка возле Алексеевского редута и о поселении в нем Закубанских поселян // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. – Нальчик, 2010.
2. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1–8. – СПб., 1871–1888.
3. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1–5. – СПб., 1887–1889.
4. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М., 2003. – 635 с.
5. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. – Нальчик, 2010.
6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – М., 2014. – 576 с.
7. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. Майкоп, 1986.
8. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. – Ростов-на-Дону, 1989.
9. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. – 80-е гг. XIX в. – М., 1984.
10. Покровский М.В. Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. – Краснодар, 1989.
11. Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. – Славянске-на-Кубани, 2012. – 224 с.
12. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с.
13. Кудалева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Майкоп: Магарин О.Г., 2014. – 387 с.
14. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. – Краснодар, 2015.
15. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII 60-е гг. – XIX в.). – Майкоп, 2002.
16. Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). – Майкоп, 2006.
17. Кудалева С.Г. Актуальные вопросы истории и культуры адыгов. – Майкоп: Магарин О.Г., 2017. – 172 с.
18. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Деятельность иностранных эмиссаров на территории Черноморской береговой линии 1836–1854 гг. // *European Researcher*. 2011. № 2. С. 143–146.
19. Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период*. – Самара, 2000. – С. 163–195.
20. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанские курени и станицы. Повседневный переселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков. – Ново-

REFERENCES

1. Berger AP. *The eviction of mountaineers from the Caucasus*. Nalchik, 2010. (In Russ).
2. Dubrovin NF. *History of war and domination of Russians in the Caucasus*. Vol. 1–8. St. Petersburg, 1871–1888. (In Russ).
3. Potto VA. *Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies*. Vol. 1–5. St. Petersburg, 1887–1889. (In Russ).
4. Fadeev RA. *Caucasian war*. Moscow, 2003. 635 p. (In Russ).
5. Felitsyn ED. *Prince Sefer Bey Zan is a politician and champion of the independence of the Circassian people*. Nalchik, 2010. (In Russ).
6. Shcherbina FA. *History of the Kuban Cossack army*. Moscow, 2014. 576 p. (In Russ).
7. Dzhimov BM. *Socio-economic and political situation of the Circassians in the 19th century*. Maykop, 1986. (In Russ).
8. Kasumov AKh. *Northwestern Caucasus in Russian-Turkish wars and international relations of the 19th century*. Rostov-on-Don, 1989. (In Russ).
9. Kinyapina NS, Bliev MM, Degoev VV. *The Caucasus and Central Asia in the foreign policy of Russia (2nd half of the 18th century – 1880s)*. Moscow, 1984. (In Russ).
10. Pokrovsky MV. *Adyghe tribes at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Socio-economic essays*. Krasnodar, 1989. (In Russ).
11. Vinogradov BV, Vinogradov VB, Klychnikov YuYu. *Russian power and mountain traditional way of life: essays on interaction at the end of the 18th – beginning of the 21st centuries*. Slavyansk-on-Kuban, 2012. 224 p. (In Russ).
12. Klychnikov YuYu. *Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)*. Pyatigorsk: PSLU, 2002. 494 p. (In Russ).
13. Kudaeva SG. *Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society*. Maikop: Magarin O.G., 2014. 387 p. (In Russ).
14. Matveev OV. *Caucasian war: from the front to the frontier. Historical and anthropological essays*. Krasnodar, 2015. (In Russ).
15. Chirg AYu. *The development of the socio-political system of the Circassians of the North-Western Caucasus (the end of the 1860s – the 19th century)*. Maykop, 2002. (In Russ).
16. Panesh AD. *Muridism and the struggle of the Circassians of the North-Western Caucasus for independence (1829–1864)*. Maykop, 2006. (In Russ).
17. Kudaeva SG. *Topical issues of the history and culture of the Adygs*. Maikop: Magarin O.G., 2017. 172 p. (In Russ).
18. Karataev VB, Cherkasov AA. *Activities of foreign emissaries on the territory of the Black Sea coastline in 1836–1854*. *European Researcher*. 2011; (2):143–146. (In Russ).
19. Barrett TM. *The Line of Uncertainty: Russia's North Caucasian Frontier*. In: *American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial period*. Samara, 2000: 163–195. (In Russ).
20. Skorik AP, Fedina IM. *Kuban kurens and villages. Everyday resettlement way of the Kuban Cossacks and historical forms of settlements in the Kuban at the end*

черкасск: Лик, 2022. – 1336 с.

21. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году / соч. С. Сафонов. – Одесса: Гор. тип., 1837. – 73 с.

22. Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. – Краснодар, 1998. – 496 с.

23. Новицкий В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 2. – Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1853. – С. 14–43.

24. Moon D. Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855. *Studies in Soviet History and Society*. – Palgrave Macmillan, 1992. – 266 p.

25. Сазонова С.Е. История заселения Анапского района украинскими переселенцами (30–60-е годы XIX века) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3. С. 75–78.

26. Цвижба Л.И. Этнодемографические процессы в Абхазии в XIX в. – Сухум: Алашара, 2000. – С. 168.

27. Колосовская Т.А. Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 53–58.

28. Тлепцок Р.А., Альхаов А.А. Деятельность генерала Н.Н. Раевского на Черноморской береговой линии (1838–1841 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4. С. 72–82.

29. Акты кавказской археографической комиссии. Т. IX. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. – 979 с.

30. Хотко С.Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV – XIX вв. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2015. – 292 с.

31. Альхаов А.А. Основание Черноморской береговой линии (1837–1839): проект и ход военных операций // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2015. № 7. С. 101–107.

of the 18th – the first third of the 20th century. Novocherkassk: Lik, 2022: 1336. (In Russ).

21. Safonov S, comp. *A trip to the eastern shores of the Black Sea on the corvette Iphigenia in 1836*. Odessa: City typography, 1837: 73. (In Russ).

22. Gerasimenko A, Saneev S. *Novorossiysk – from the fortification to the provincial city*. Krasnodar, 1998: 496. (In Russ).

23. Novitsky V. Anapa and Trans-Kuban settlements (with a map). In: *Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Book 2. Tiflis: Printing house of the office of the Viceroy of the Caucasus, 1853: 14–43. (In Russ).

24. Moon D. *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855*. *Studies in Soviet History and Society*. Palgrave Macmillan, 1992: 266.

25. Sazonova SE. The history of the settlement of the Anapa region by Ukrainian settlers (30–60s of the 19th century). *Cultural Life of the South of Russia*. 2008; (3):75–78. (In Russ).

26. Tsvizhba LI. *Ethno-demographic processes in Abkhazia in the 19th century*. Sukhum: Alashara, 2000: 168. (In Russ).

27. Kolosovskaya TA. Historical and research activities of Lieutenant General I.D. Popko. *Military History Journal*. 2014; (4):53–58. (In Russ).

28. Tleptsok RA, Alkhaov AA. Activities of General N.N. Raevsky on the Black Sea coastline (1838–1841). *Herald of Adyghe State University. Ser. 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2019; (4):72–82. (In Russ).

29. *Acts of the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 19. Tiflis: Typography of the Head of the Office of the Viceroy of the Caucasus, 1884: 979. (In Russ).

30. Hotko SKh. *Discovery of Circassia. Cartographic sources of the 14th – 19th centuries*. Maykop: Polygraph-YUG, 2015: 292. (In Russ).

31. Alkhaov AA. Foundation of the Black Sea coastline (1837–1839): project and course of military operations. *Bulletin of Science of Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research*. 2015; (7):101–107. (In Russ).

Поступила в редакцию 29.10.2022 г.

Принята в печать 06.02.2023 г.

Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 29.10.2022

Accepted 06.02.2023

Published 15.06.2023